

УДК: 94(47)

DOI: 10.25629/НС.2023.04.04

ФАКТОР ГОСУДАРСТВА МАНЬЧЖОУ-ГО В СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1931-1935 ГГ.

Герасимов Д.И.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется проблема создания марионеточного государства Маньчжоу-Го, анализируется влияние фактора Маньчжоу-Го на развитие советско-японских дипломатических отношений, а также выявляется воздействие на внешнюю политику СССР в Дальневосточном регионе в 1931-1935 гг. возникшего в результате японской интервенции в Маньчжурии узла противоречий.

Автор указывает, что Япония еще с начала 1920-х гг. вынашивала планы вторжения в Китай, когда она стала постепенно закрепляться в экономическом и политическом плане в Северо-Восточном Китае, создавая тем самым плацдарм для дальнейшего вторжения в Маньчжурию (сентябрь 1931 г.). Выгодное стратегическое положение Маньчжурии имело важное геополитическое значение как для СССР, так и для Японии. Кроме того, Маньчжурия обладала огромной сырьевой базой. Именно здесь сталкивались интересы СССР и Японии. Китай, охваченный внутривнутриполитической борьбой и крайне ослабленный, служил местом разрешения советско-японских противоречий. В результате в 1932 г. при активном содействии японского правительства было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое должно было не только служить военно-стратегическим плацдармом для продвижения в глубь Китая, но и стать исходным пунктом для подготовки вторжения на территорию СССР. Тем самым Япония стремилась усилить свое политическое и стратегическое значение в Дальневосточном регионе: создав нового игрока на международной арене – марионеточное государство Маньчжоу-Го, – Япония смогла закрепиться в Маньчжурии и продолжать развивать военную экспансию на Дальнем Востоке.

Автор подчеркивает, что огромную стратегическую роль во взаимоотношениях государств Дальневосточного региона играла сфера деятельности, связанная с поставками, снабжением, контролем и организацией транспортировки различных грузов (военной техники, продовольствия и т.д.) и людских резервов. В этом смысле Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), которая с недавних пор пролегла и через территорию Маньчжоу-Го, во многом определяла политические взаимоотношения СССР и Японии. Поэтому СССР приходилось предпринимать быстрые и решительные шаги в целях укрепления собственной государственной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Маньчжоу-Го, Карахан, Хирота, Маньчжурия, советско-японские отношения, пакт о ненападении, Трояновский, КВЖД.

ВВЕДЕНИЕ

Различным сюжетам советско-японских отношений посвящено значительное количество научно-исследовательских работ. Среди советских историков следует выделить работы Г.С. Кара-Мурзы [1], Н. Терентьева (А.Я. Канторовича) [2], Е.М. Жукова [3], Л.Н. Кутакова [4], М.И. Сладковского [5]. В этих работах был накоплен значительный фактологический материал, введены в научный оборот основные источники по советско-японским отношениям, непосредственно затрагивающие причины и последствия основных конфликтов на границе с

Японией, а также значительный комплекс противоречий, которые возникли после вторжения Японии в Маньчжурию в сентябре 1931 г.

Среди современных исследований, следует выделить работы Е.А. Горбунова [6; 7], Н.Е. Абловой [8], А.А. Кошкина [9, 10], В.Э. Молодякова [11] В.Г. Дацышена [12], Л.Е. Гришаевой [13] и др. В этих работах авторам удалось прийти к качественно новым выводам, ими досконально были исследованы вопросы, связанные с КВЖД, по-новому осмыслены причины и последствия Мукденского инцидента 1931 г., а также введены в научный оборот малоизвестные источники по различным аспектам проблемы советско-японских отношений.

Однако узел противоречий между СССР и Японией, на развитие которого в немалой степени повлияло созданное Японией марионеточное государство Маньчжоу-Го на границах с СССР в марте 1932 г., до сих пор не стал предметом отдельного научного исследования. В статье на основе изучения малочисленной научной литературы по проблеме, а также путем проведения анализа опубликованных источников и введения в научный оборот новых архивных документов из архивов АВП и РГАСПИ делается попытка восполнить этот пробел.

1. СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ МУКДЕНСКОГО ИНЦИДЕНТА 1931 Г.

Уже к 1929 г. в штабе японской Квантунской армии – воинского подразделения, которое будет задействовано для осуществления интервенции в Маньчжурии в 1931 г., – был учрежден научно-исследовательский отдел, которому предписывалось проработать наиболее функциональный подход, а также разработать методику управления для контроля будущих приобретенных территорий – в том числе и Северо-восточными территориями Китая. К 1930 г. научно-исследовательский отдел подготовил несколько проектов, среди которых «Доклад по вопросу управления оккупированной Маньчжурией». В этом документе планировалось создать некий центральный военный орган, который был бы целиком и полностью подчинен Японии – Центральное военное правительство, в которое входили бы не только представители военной элиты Японии, но и государственные служащие, чиновники из местного самоуправления. Данный проект был доработан к осени 1931 г. и подтвержден еще двумя докладами – «Основная политика урегулирования маньчжурского вопроса» и «Проект общих принципов, касающихся учреждения монголо-маньчжурского свободного государства». В этих двух документах особая роль отводилась местному самоуправлению, которое «прикрывало» бы реальное положение дел и создавало бы видимую демократизацию и самостоятельность в принятии решений созданного марионеточного государства: «китайцы – это нация с многовековой историей, с ярко выраженным ощущением собственного достоинства, поэтому нельзя явно показывать, что они напрямую подчиняются японскому руководству, иначе положение государства будет шатким, а управление неэффективным» [14, С. 82].

Япония выбрала удачный момент для вторжения на территорию Маньчжурии: Китай раздирали на части гражданская война между правительством юга, с 1919 г. располагавшимся в Кантоне, во главе которого стояла консервативная политическая партия Гоминьдан, и так называемым «Бэйянским правительством», которое формально управляло Китайской Республикой (КР) с 1916 г. из Пекина. В результате «Северного похода» (1926-1928 гг.) Национально-революционная армия Китая под руководством Чан Кайши разгромила «Бэйянскую клику» и объединила раздробленный Китай. Чан Кайши перенес столицу в Нанкин и сам возглавил правительство. Однако присоединенные территории пока не являлись прочными политическими образованиями во многом из-за социально-экономического кризиса, который стал результатом завершения Гражданской войны в Китае. К 1931 г., Маньчжурия была удобной и выгодной целью для Японии, в самом Китае возобладала с новой силой монархические настроения, поговаривали о возвращении Цинской династии на ее законное место.

Таким образом, на момент начала японского вторжения сложилась благоприятная международная обстановка, которая и позволила впоследствии реализовать планы японской Квантунской военной группировки. 18 сентября 1931 г. японцы подорвали железную дорогу возле города Мукден, инициировав китайскую провокацию, после чего начали полномасштабное

вторжение. Это событие стало поворотным моментом в истории китайско-японских отношений – конец периода дипломатической борьбы Китая и Японии за контроль над Маньчжурией и переход Японии к силовым действиям в достижении своих целей в Китае.

Чан Кайши – лидер партии национальной буржуазии Гоминьдан – был вынужден временно отказаться от борьбы за пересмотр или отмену неравноправных договоров, переключив внимание дипломатии Китайской Республики на военные действия. Напрасно правительство Нанкина отправляло ноты протеста в Токио с требованием вывести японские войска с китайской территории. В ситуации внутреннего разрыва Китай мог лишь осудить действия Японии и просить помощи, которой не поступало.

Советское правительство самым серьезным образом следило за ситуацией в Маньчжурии. Уже через день после Мукденского инцидента, 19 сентября 1931 г., заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан встретился с послом Японии в СССР Хиротой и высказал свои опасения по поводу случившегося: «Событиям в Мукдене мы придаём самое серьезное значение и хотели бы иметь более подробную и глубокую информацию, а также мы хотели бы иметь разъяснения со стороны японского правительства в связи с мукденскими событиями, которые нельзя рассматривать как изолирование от целого ряда трений, недоразумений и переговоров, которые предшествовали событиям 18 сентября 1931 г. [15, С. 30].

Уже в октябре 1931 г. НКВД СССР ясно сформулировал внешнеполитическую линию, которая в основном сводилась к избеганию всех обстоятельств и решений, которые могли бы втянуть СССР в конфликт или, как метко выразился заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан в письме временному поверенному в делах Японии Б.Н. Мельникову, «...избегать всего того... что могло бы вывести нас из положения внимательного наблюдателя, ограничивающегося защитой своих интересов». [15, С. 43]. Судя по всему, эта позиция СССР вполне устраивала и Японское правительство, которое старалось всячески избегать любых возможных конфликтов в районе КВЖД. 28 октября 1931 г. посол Японии в СССР Хирота в личной беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР Л.М. Караханом был особенно обеспокоен железнодорожным узлом Таонань-Кокоэ (Таонань-Цицикарская дорога), которая была построена на японские деньги [15, С. 54].

Таким образом, выжидательную и крайне осторожную тактику СССР после японского вторжения в Маньчжурию в 1931 г. можно объяснить следующими обстоятельствами:

1) Уязвимость международного положения СССР и отсутствие политических союзников: дипломатические отношения с Китаем были разорваны после конфликта на КВЖД в 1929 г. США – главный соперник Японии в Тихоокеанском регионе – в 1931 г. еще официально не признали СССР как государство. Оставалась только Монгольская Народная Республика (МНР), которая хотя и являлась потенциальным союзником СССР, но была еще слабым, неустойчивым политическим организмом и которая переживала период идеологического становления и социально-экономических реформ [16, С. 97.] и потому не могла стать серьезным подспорьем в борьбе с Японией как в экономическом, так и в военном смысле.

2) Слабая информированность Советского государства: в начале 1930-х гг. СССР столкнулся с угрозой военной агрессии со стороны грозного, но малоизученного соперника [17, С. 219]. У Советского Союза не было достаточного опыта в проведении крупномасштабных военных операций против серьезной державы. Хотя недавний военный конфликт с правителем Маньчжурии Чжан Сюэляном (1901-2001 гг.) в 1929 г. за КВЖД закончился успешно, но необходимо иметь в виду, что Китай был в то время слабым политическим образованием, который никак не мог сравниться с модернизированной амбициозной Японией ни в экономическом, ни в военном плане.

3) Преобразования внутри СССР: на момент японского вторжения в Маньчжурию в СССР проводились системные изменения в социальной и экономической структурах государства – первая пятилетка (1928-1932 гг.) с ее масштабными планами индустриализации страны, коллективизация, создание и укрепление военно-оборонительного комплекса. Программы модернизации находились в стадии начального развития, это во многом и повлияло на нейтральную

позицию СССР в разворачивающемся кризисе на Дальнем Востоке [18, С. 148]. Этот вывод подтверждается и архивными материалами. 27 декабря 1932 г. генконсул СССР в Харбине М.М. Славуцкий в письме к заместителю наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахану говорит о необходимости укрепить материально-техническую базу в ходе индустриализации, которая позволит «заглядывать» в будущее. Для этой цели СССР вынужден был отказываться от реагирования на ущемление государственных интересов [19, С. 107].

После японского вторжения в Китай в 1931 г. советско-японские отношения были практически заморожены: японское правительство было занято военными действиями на материке, СССР же старался всеми силами отстраниться от конфликта. Однако уже в марте 1932 г. советско-японские отношения ждал новый кризис.

2. МАНЬЧЖОУ-ГО – НОВЫЙ УЧАСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Уже в 1931 г. японское правительство планировало создать на территории Маньчжурии не только военно-стратегический плацдарм для дальнейшего продвижения в глубь Китая, но и политический. Император Хирахито (1926-1989 гг.) и его ближайшее окружение были хорошо осведомлены о внутренних противоречиях Китая. Наилучшим вариантом оформления военных успехов в Маньчжурии Япония усмотрела в создании по японскому образцу марионеточного государства, внешне обладающего атрибутами конституционной монархии, а фактически не имевшего ни силы, ни власти, ни тем более веса в международных делах [20, С. 3]. Кроме выгодного стратегического положения, Маньчжурия обладала огромной сырьевой базой. Поэтому японское правительство выделяло большие деньги для развития региона. Велось в широких масштабах строительство авиабаз, аэродромов и посадочных площадок. Создавая военный плацдарм на территории Маньчжурии, японцы также интенсивно развивали связь, быстрыми темпами строили здесь военные городки, казармы, госпитали, склады и другие помещения. В военном отношении правительство Гоминьдана, которое возглавлял Чан Кайши, заняло позицию пассивного сопротивления японской агрессии. Однако, несмотря на все усилия китайской дипломатии, Нанкинскому правительству не удалось добиться вывода японской армии с территории Северо-Восточного Китая. Япония быстро и с малыми потерями захватила Северо-Восточный Китай [21, С. 271-272]. Необходимость создания марионеточного государства объяснялась очень просто: так в одном из дипломатических документов военного штаба Квантунской армии декларировалось, что никакие договоры, в том числе Устав Лиги Наций [22], не должны останавливать Японию применять военную силу для отделения Маньчжурской территории от Китая, если этого требует история и, если этого желает сам китайский народ.

Таким образом, в основу создания будущего государства была положена идея «народной воли», что повлекло за собой организацию структур, нацеленных на формирование национальной идентичности нового государства. 29 февраля 1932 г. по указанию четвертого отдела штаба японской Квантунской армии в Мукдене собрался Всеманьчжурский объединенный съезд по созданию государства. На нем было принято решение о создании на территории Маньчжурии «государства» Маньчжоу-Го и назначении Пу И (1906-1967 гг.) его верховным правителем, а через два года, в 1934 г., – императором. Государственным флагом Маньчжоу-Го был избран штандарт Цинской Империи (желтое поле с красной, голубой, белой и черной полосами), девиз правления получил название Кандэ («цветущая мораль»), столицей государства стал г. Чанчунь, переименованный в Синьцзин [23, С. 74]. Нельзя сказать, что Пу И заставляли насильно переехать в Маньчжурию, скорее это случилось по обоюдному желанию как самого последнего китайского императора, так и маньчжурской общечественности: «Услышав о начале событий, я каждую минуту думал о том, как бы уехать на Северо-Восток, однако я понимал, что без согласия японцев сделать это было невозможно. Чжэн Сяо-сюй сказал мне, что в Фэнтяне положение еще не вполне ясное и не стоит слишком торопиться. Японцы сами рано или поздно пригласят меня» [24, С. 281].

9 марта 1932 г. произошла официальная церемония в честь провозглашения Пу И «Верховным правителем» нового государства Маньчжоу-Го. 9 марта 1932 г. он официально вступал в

должность правителя. Уже 12 марта 1932 г. Пу И направляет государствам схожего содержания телеграммы, в которых ставит весь мир перед свершившимся фактом – появилось новое, сильное, «самостоятельное» государство. Такую телеграмму получил и нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов, её ему вручил новоиспеченный министр иностранных дел Маньчжоу-Го Се Цзеши. Телеграмма была следующего содержания: «Я имею честь уведомить Вас о том, что провинции Фэнтянь, Гириин, Хэйлу», цзян и Жэхэ, Дуншэнский особый район и монгольские мэны (союзы) под различными знаменами объединились для учреждения независимого правительства, порвав свои связи с Китайской Республикой и создав Маньчжоу-Го 1-го марта 1932 г.» [15, С. 72].

15 марта 1932 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан встретился с послом Японии в СССР и ждал разъяснений японского правительства относительно образования нового государства в Маньчжурии, однако посол Японии в СССР Хирота не сообщил никакой информации, кроме той, что уже и так была известна НКВД СССР из ноты Се Цзеши от 12 марта 1932 г.: «Японскому правительству ничего не остается, как наблюдать за ходом событий» [25, С. 179-180.]. Более того, Хирота сообщил, что даже если бы и знал более подробную информацию о смысле и целях создания нового государства, то не стал бы делиться ей с советским правительством, которое так же тщательно скрывало ситуацию во Внешней Монголии: «У нас нет никакой информации в отношении Внешней Монголии... У вас есть консулы в Маньчжурии, через которых можно получать информацию... Вы могли бы дать нам информацию о Внешней Монголии». [25, С. 180].

Этот аргумент был явно заранее подготовлен японской стороной, потому что проблема Внешней Монголии не поднималась в переговорах японской стороной с сентября 1931 г. Стоит отметить, что аналогия была едва ли подходящей. Внешняя Монголия существовала уже длительный срок, на её территории не было ни одного иностранного солдата, тем временем Маньчжурия была уже полностью занята японской Квантунской армией.

Руководство Маньчжоу-Го было полностью подконтрольно японскому правительству, и, хотя большинство постов в новом государстве занимали китайцы, основные рычаги власти принадлежали их японским заместителям. Япония контролировала и была «дирижером» внешней политики: так, все важнейшие решения принимал командующий Квантунской армии, который по совместительству занимал должность полномочного посла.

В Маньчжоу-Го формой правления провозглашалась конституционная монархия. На бумаге Пу И – верховный правитель Маньчжоу-Го – обладал широкими полномочиями, на деле же – сил не имела ни конституция, ни императорская власть: «Первая глава «Организационного статута Маньчжоу-Го», озаглавленная «Верховный правитель», состояла из тринадцати статей, каждая из которых утверждала мои права. Первая статья гласила: «Верховный правитель правит Маньчжоу-Го». Вторая, третья и четвертая статьи определяли мою законодательную, исполнительную и судебную власти. Согласно остальным статьям, я имел право «издавать экстренные приказы, имевшие силу закона», «устанавливать систему чиновничьих званий и их назначение», «возглавлять сухопутные, морские и воздушные силы», а также обладал правом «амнистии, смягчения наказания и восстановления в правах» и т. д. На самом же деле я даже не имел права выходить за пределы своей резиденции» [24, С. 334].

В этих условиях лидер партии Гоминьдан Чан Кайши обратился за помощью в Лигу Наций с целью оказать давление на Японию и прекратить военные действия на территории Маньчжурии. Однако имевшие в этой международной организации преобладающее влияние Англия, Франция и США рассчитывали, что захваченный Японией Северо-Восток Китая станет плацдармом для нападения Японии на Советский Союз, и не желали принимать кардинальных мер для пресечения японской агрессии. В декабре 1931 г. Лига Наций вынесла решение о направлении в Китай комиссии во главе с лордом Литтоном – главой международной комиссии для изучения обстоятельств маньчжурского инцидента 1931 г. В сентябре 1932 г. Литтон выступил в Лиге Наций с докладом, в котором действия Японии признавались агрессией, од-

нако этот доклад имел скорее формальный характер, т.к. все важнейшие военно-стратегические решения уже были реализованы Японией – захват всего маньчжурского региона и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го [26, С. 50].

Несомненно, в силу своего географического расположения и исторического возникновения, наиболее важными партнерами для Маньчжоу-Го были Япония, Китай и СССР. И если дальнейшее сближение СССР и Китая было продиктовано логикой исторических событий, происходивших на Дальнем Востоке, то с появлением государства Маньчжоу-Го – нового участника международных отношений – взаимоотношения с Японией приходилось выстраивать практически с нуля.

Все это обусловило политику СССР по отношению к Маньчжоу-Го и вынуждало его сохранять дипломатические консульства на территории Маньчжурии, более того, на территории СССР также открывались консульства Маньчжоу-Го: так, уже через 5 месяцев после возникновения Маньчжоу-Го в сентябре 1932 г. было открыто консульство в Благовещенске, который граничил с городом Хэйхэ. В марте 1933 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан встретился с послом КР в СССР Янь Хойцином, где в личной беседе объяснил решение СССР открыть консульства на своей территории так: «Мы не признали Маньчжоу-Го, и, насколько я понимаю, у нас такого намерения нет... Мы действительно разрешили консулам Маньчжоу-Го открыть свои консульства в ряде пунктов на территории СССР. Их консулы уже имеются в Благовещенске и Чите... Мы разрешили Маньчжоу-Го открыть 5 консульств на нашей территории – такое же количество, какое имеется и у нас в Маньчжурии. В том числе мы дали согласие на открытие консульства в Москве» [15, С. 155]. Это решение СССР было обусловлено несколькими факторами:

- 1) Практическая необходимость поддерживать фактические отношения с той властью, которая существовала в Маньчжурии с 1932 г.
- 2) Наличие железной дороги, на которой проживало десятки тысяч советских граждан.
- 3) Отсутствие на территории Маньчжурии любой другой легитимной власти, с которой можно было вести дипломатические переговоры.

После возникновения марионеточного государства Маньчжоу-Го в 1932 г. СССР активно искал мира с Японией, это была уже не первая попытка со стороны СССР заключить пакт о ненападении. Первая реальная попытка заключить соглашение была предпринята уже в середине 1927 г. незадолго до вручения «меморандума Танаки» (стратегия завоевания мира) императору Хирохито, это предложение было отвергнуто японским правительством.

Поэтому в марте 1932 г. СССР возобновил переговоры с Японией по заключению пакта о ненападении. Однако Япония сознательно затягивала с решением по этому вопросу. Японское правительство неслучайно долго не отвечало на сделанное Советским Союзом очередное предложение заключить между двумя государствами договор о ненападении: некоторые японские политики считали, что в сложившихся после оккупации Маньчжурии новых геополитических условиях едва ли целесообразно категорически отвергать саму возможность заключения с СССР такого соглашения. Ведь договор о ненападении с Советским Союзом мог потребоваться Японии при обострении ее отношений с США, Великобританией и Францией в борьбе за господство в Китае. Однако было понятно, что заключение советско-японского пакта о ненападении могло посеять у западных держав подозрения относительно стратегии Японии на континенте, побудить их оказать сопротивление ее дальнейшей экспансии в Центральный и Южный Китай. С учетом всего этого отказ Японии от заключения договора о ненападении последовал лишь спустя год, когда стало ясно, что западные державы не только не окажут в Китае сопротивления Японии, но и будут продолжать снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами [27, С. 32].

В 1932 г. завершалось строительство второй линия Транссиба, город Владивосток стал городом-крепостью с усиленным флотом, были укреплены военные гарнизоны в ключевых пунктах дальневосточных рубежей. Военное столкновение с Японией становилось маловероятным,

хотя и возможным. 31 марта 1932 г. полпред СССР в Японии А. Трояновский в письме к заместителю наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахану так характеризовал положение СССР и внешнеполитическую стратегию Японии после завершения первого этапа агрессии на Дальнем Востоке: «Вооруженный конфликт с СССР потребует огромнейших жертв и, несомненно, поднимет против Японии Китай, даже против воли Чан Кайши, Чжан Сюэляна и компании. Все это грозит Японии катастрофой. К этому надо добавить непрекращающиеся выступления «бандитов» в Маньчжурии, ухудшение отношений с Соединенными Штатами (которые, между прочим, делают все, чтобы избежать войны или, по крайней мере, оттянуть ее возможно дольше), тяжелое финансовое и экономическое положение внутри Японии наряду с все более широким распространением «опасных мыслей»...Какое-нибудь незначительное изменение международной ситуации легко может создать военную обстановку, тем более что охотников втянуть нас в войну найдется сколько угодно. Из этого следует, что мы должны быть настроены» [15, С. 82-83].

Таким образом:

1) Существование государства Маньчжоу-Го, граничившего с СССР, кратно увеличивало возможность войны с Японией.

2) Сам факт возникновения нового государства на границах с СССР вынуждал советскую дипломатию к быстрым и решительным действиям. Трудность выстраивания отношений с Маньчжоу-Го заключалась и в том, что СССР, как и многие державы, не мог признать де-юре Маньчжоу-Го, так как это бы полностью изменило конфигурацию сил на Дальнем Востоке. НКВД СССР, который поступательно реализовал выжидательную политику в отношении японской агрессии в Китае в 1931 г., был не готов к таким радикальным мерам. Это могло бы привести к политическим санкциям и внешнеполитической изоляции от многих стран Запада. Но в силу военной опасности СССР не мог не признать Маньчжоу-Го де-факто, хотя и понимал его марионеточный характер.

3) Япония получила дополнительный рычаг давления на НКВД СССР по всем спорным вопросам: рыболовным конвенциям, территориальным претензиям, пакту о ненападении.

3. ЗНАЧЕНИЕ КВЖД В «ТРЕУГОЛЬНИКЕ» ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СССР-МАНЬЧЖОУ-ГО-ЯПОНИЯ

Огромную стратегическую роль во взаимоотношениях государств Дальневосточного региона играла сфера деятельности, связанная с поставками, снабжением, контролем и организацией транспортировки различных грузов (военной техники, продовольствия и т.д.) и людских резервов. В этом смысле Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), которая с недавних пор пролегла и через территорию Маньчжоу-Го, во многом определяла политические взаимоотношения СССР и Японии. С самой постройки КВЖД стала камнем преткновения в дальневосточном регионе. В 1929 г. произошел один из самых известных в истории советско-китайских отношений конфликтов. В 1929 г. Чжан Сюэлян – сын главы фэнтяньской клики Чжан Цзолиня и правитель Маньчжурии – без объявления войны захватил большой участок КВЖД, который находился под совместным управлением Китая и СССР. В результате столкновения китайские войска были разбиты, и 22 декабря был составлен Хабаровский протокол, который положил конец конфликту, а управление КВЖД стало осуществляться на тех же основаниях, что и до столкновения. После разрыва дипломатических отношений с Китаем агентам дороги было предписано уволиться со службы. Судя по спискам служащих и рабочих КВЖД, депортированных и по собственному желанию выехавших в СССР, большинство высших агентов дороги, командированных из СССР, в этот период уволнились по собственному желанию [28, С. 226].

После японского вторжения в Маньчжурию КВЖД оказалась в плачевном состоянии. Это подтверждается источниками. Так, 3 января 1933 г. Л.М. Карахан – заместитель наркома иностранных дел СССР – подготовил докладную записку И.В. Сталину по вопросу об экономической политике в зоне КВЖД, в которой сообщалось, что трудности по привлечению грузов на рельсы КВЖД усугубились в результате огромного падения курса иены, делающего неизмеримо более выгодной перевозку по японским железным дорогам, чем по КВЖД, а также еще

целый ряд мероприятий, которые должны были, по словам заместителя наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахана, «свести концы с концами» в 1933 г. [15, С. 139]. В письме к Сталину член Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович также описывал состояние КВЖД как критическое: «В связи с тяжелым финансовым положением дороги комиссия Рудзутака разработала ряд предложений, идущих по линии упорядочения финансового хоз[яйства] дороги, но среди них есть пункты, которые могут вызвать осложнение с китайцами» [29, С. 54].

Окончательное решение продать КВЖД СССР принял весной 1933 г., однако японо-советские переговоры о продаже КВЖД продвигались с трудом. В первую очередь стороны никак не могли договориться о цене. По мнению советского руководства, Япония запрашивала нереально малую цену для покупки КВЖД: «Трояновский настаивает, чтобы мы дали ему директивы по существу переговоров с Фудзиварой, в частности, чтобы назвали приблизительную цену на КВЖД. Он считает, что в его переговорах с Фудзиварой он должен договориться о КВЖД полностью, а затем это будет оформлено официально с Манчжоу-Го» [29, С. 216].

Существовал целый ряд факторов, которые тормозили переговоры с Японией:

1) Обострение положения на дороге, в том числе и путем искусственного создания конфликтов по отдельным вопросам.

2) Маньчжурские власти захватили перевалочную пристань КВЖД. Этот захват был произведен, как было сообщено японскому правительству, под непосредственным руководством японских подданных, находящихся на службе Маньчжоу-Го.

3) Массовые аресты советских граждан, многие из которых больше года содержатся без суда в неслыханно тяжелых условиях и подвергаются истязаниям и пыткам, в которых непосредственное участие принимают японские жандармы и японские подданные, находящиеся на службе Маньчжоу-Го [30, С. 241-243].

Таким образом, с момента вторжения Японии в Маньчжурию Советский Союз был верен принципам сдерживания Японии и укрепления своих дальневосточных границ, что заставляло его постоянно идти на компромиссы с Японией во избежание эскалации военных противоречий. СССР выдерживал курс на примирение даже тогда, когда Япония переходила на неприкрытый шантаж. Так, продажа Маньчжоу-Го КВЖД стала центральным звеном в череде уступок Японии.

Захватив Маньчжурию, Япония стремилась развивать инфраструктуру на контролируемых ей территориях, которые, как она надеялась, послужат военно-экономической базой для дальнейших военных акций на Западе или в Тихоокеанском регионе.

Для СССР, активно разрабатывающего стройки второй пятилетки, наращивающего военно-экономический потенциал и развивающего тяжелую промышленность, продажа КВЖД могла одновременно послужить и источником безопасности дальневосточных границ, и источником материальных средств для обеспечения этой безопасности. Это усугублялось явной убыточностью дороги, которая, с одной стороны, пришла в упадок в связи с экономическим кризисом и вторжением Японии в Маньчжурию, а с другой – подвергалась постоянным нападениям и грабежам со стороны деклассированных элементов из местного населения – хунхузов, число которых после японского вторжения значительно выросло.

Советско-японские переговоры то прекращались, то возобновлялись, а в январе 1934 г. и вовсе оказались на грани срыва. СССР настаивал на том, что переговоры могут продолжиться лишь в том случае, если Маньчжоу-Го освободит арестованных советских железнодорожников [31, С. 33-34]. Япония, в свою очередь, старалась как можно сильнее накалить обстановку и обращалась к своему общественному мнению, говоря о том, что СССР сознательно тормозит переговоры, торгуясь за каждый рубль (якобы, предложенная цена в 170 млн иен не удовлетворяет советское правительство). Однако все было как раз наоборот: СССР как можно скорее хотел избавиться от лишних проблем, связанных с КВЖД, и постоянно шел на уступки в цене: ««Сов[етское] пра[вительство] полагает, что после 15-ти месячных переговоров не следует становиться на путь мелкого и длительного торга и что пора уже действительно закончить

переговоры. Хотя цена в 160 млн, предложенная сов[етского] пра[вительства] 30 июля, и представляет уже большую жертву с его стороны, поскольку она значительно ниже действительной стоимости дороги, сов[етского] пра[вительства] готово, – при условии прекращения торга и немедленного согласия яп[онского] пра[вительства] на это предложение, – договориться на средней цене посредством разделения пополам разницы, оставшейся между советским предложением в 160 млн иен и японским предложением в 130 млн иен» [32, С. 39].

С февраля 1934 г. началась активно обсуждаться цена на КВЖД. Принципиальное согласие между сторонами было достигнуто лишь в декабре. После согласования оставшихся деталей договор купли-продажи между СССР и Маньчжоу-Го был официально подписан 23 марта 1935 г. В день подписания соглашения в Харбине вице-председатель правления КВЖД П.А. Бандура и министр связи Маньчжоу-Го Тин Чэньсю выполнили все формальности по передаче прав СССР на дорогу, а генеральный консул Славущкий, выступая в Железнодорожном собрании в присутствии Ли Шаогэна, объявил об окончании переговоров. Литвинов и Хирота обменялись приличествующими случаю заявлениями о «плодотворном сотрудничестве» и «неутомимых усилиях» друг друга, похоже, искренне радуясь тому, что дело наконец-то сделано. КВЖД влилась в железнодорожную систему Маньчжоу-Го, полностью контролируемую японцами [33, С. 309].

После достижения компромисса по цене оставалось решить незначительные вопросы, связанные с редакцией и ратификацией договора. СССР ускорил переговоры по редактированию договора, а возникающие мелкие вопросы с маньчжурской стороны предоставлялось решать самой делегации, которая должна была бы запрашивать позицию НКВД СССР лишь в случаях серьезных разногласий с японцами [34, С. 157]. В марте 1935 г. КВЖД официально была продана Маньчжоу-Го, это ознаменовало новый этап в советско-японских отношениях.

Таким образом, средства, полученные с продажи КВЖД послужили дальнейшему укреплению дальневосточных рубежей СССР, который с тех пор стал намного более прохладно смотреть на перспективу заключения некогда столь желаемого пакта о ненападении. Впоследствии инициатива мирного урегулирования перешла к Японии.

Вместе с тем продажа КВЖД нарушала принципы международного права. До Маньчжурского конфликта (1931 г.) железная дорога являлась совместным владением России и Китая. Поэтому СССР не имел права в одностороннем порядке ни допускать транспортировку враждебных Китаю японских войск, ни, разумеется, единолично решать вопрос о продаже КВЖД государству, изначально враждебному Китаю.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

С 1932 г. в системе международных отношений появилось еще одно звено, которое фактически подчинялось Японии, но с которым так или иначе пришлось считаться всему миру, – марионеточное государство Маньчжоу-Го. Фактор Маньчжоу-Го стал решающим в развитии взаимоотношений СССР и Японии. Маньчжурское государство в свою очередь стало неким посредником между двумя сильнейшими державами на Дальнем Востоке. Монгольская Народная Республика и государство Маньчжоу-Го образовали своеобразную систему сдержек и противовесов, тем самым законсервировав отношения СССР и Японии в неизменном положении с 1935 г., что позволило СССР как избежать войны с Японией, так и предотвратить войну на два фронта во время Второй мировой войны.

Возникновение государства Маньчжоу-Го вызвало бурную реакцию во всем мире, однако жестких контрмер со стороны Западного блока стран так и не последовало, за исключением некоторых санкций со стороны Лиги Наций: публичное осуждения японской интервенции, непризнание суверенитета Маньчжоу-Го, призыв к эвакуации японских войск из района Южно-Маньчжурской железной дороги и требование установления мира. СССР не поддержал постановление Лиги Наций, сославшись на отсутствие каких-либо дипломатических отношений с государствами, которые вошли в Совещательный Комитет по «маньчжурскому вопросу».

После японского вторжения в Китай и возникновения государства Маньчжоу-Го, через территорию которого проходила стратегически важная железная дорога, возникло значительное количество спорных вопросов, связанных с КВЖД, обостривших советско-японские отношения (право на владение того или иного пограничного участка дороги, постоянные аресты советских рабочих, мародерство со стороны хунхузов и т.д.). Все это подрывало государственную безопасность СССР и приближало вероятность войны. Поэтому, начиная с 1933 г., советское правительство предпринимает шаги для продажи КВЖД Японии, чтобы максимально обезопасить себя от возможных с ней столкновений. В результате КВЖД будет продана Японии в 1935 г., что ознаменует начало качественно нового этапа в советско-японских отношениях.

Подводя итоги, отметим, что СССР вел двойственную внешнюю политику в отношении Японии и марионеточного государства Маньчжоу-Го. С одной стороны, советское правительство не признавало Маньчжоу-Го на международной арене, с другой стороны, исходило из реального положения дел и старалось не допустить военной эскалации взаимоотношений государств на Дальнем Востоке, выстраивая дипломатические отношения с Японией с учетом фактора государства Маньчжоу-Го, находившегося непосредственно у границ СССР. Советскому правительству приходилось предпринимать быстрые и решительные шаги в целях укрепления собственной государственной безопасности. Проводя такую политику, СССР смог избежать войны с Японией, увеличить свою обороноспособность в Дальневосточном регионе и укрепить свой авторитет среди ведущих мировых держав.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кара-Мурза Г.С. Колониальный режим в Маньчжоу-Го// Маньчжоу-Го. № 17. Вып. 4. – Чита, 1944. 38 с.
2. Терентьев Н. Очаг войны на Дальнем Востоке. М., 1934. 256 с.
3. Жуков Е.М. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840-1949). / 2-е изд., испр. и доп. М., 1956. 784 с.
4. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. 560 с.
5. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974 гг.). М., 1977. 368 с.
6. Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. 512 с.
7. Горбунов Е.А. Восточный рубеж: ОКДВА против японской армии. М., 2010. 460 с.
8. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005. 430 с.
9. Кошкин А.А. Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М., 2012. 500 с.
10. Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина: Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. 478 с.
11. Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929-1948): историческое исследование. М., 2005. 379 с.
12. Дацышен В.Г. Консульства Маньчжоу-Го в России. Из истории советско-японско-китайских отношений в 1931-1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013, № 5. С. 135-143.
13. Гришаева Л.Е. От Версаля к войне... О роли «буферных» государств // Дипломатическая служба. 2019. № 2 (83). С. 16-40.
14. Mitter R. The Manchurian Myth: Nationalism, Resistance and Collaboration in Modern China. Berkeley, Los Angeles, London. 2000. 308 p.
15. Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2010. 861 с.
16. Яскина Г.С. История Монголии. XX век. М., 2007. 448 с.
17. Streltsov D.V., Shimotomai Nobuo, A history of Russo-Japanese relations: over two centuries of cooperation and competition, 2019. 627 p.
18. Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. 480 с.

19. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. Д. 6.
20. Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1931-1945. М., 1990. 262 с.
21. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 7.: Китайская Республика (1912-1949). М., 2013. 863 с.
22. Статут Лиги Наций: Версальский мирный договор. М., 1925. 198 с.
23. Караева К.А. Маньчжоу-Го (1931-1945): «марионеточное» государство в системе международных отношений на Дальнем Востоке / К.А. Караева // Уральское востоковедение. Екатеринбург. 2005. – Вып. 1. С. 72-78.
24. Пу И. Последний император. М., 2006. 560 с.
25. Документы внешней политики СССР. Т. 15. М., 1969. 868 с.
26. Славинский Б.Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937-1945 гг. М., 540 с.
27. Кошкин А.А. Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы / А.А. Кошкин. М., 2012. 480 с.
28. Кротова М. В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-е – 1950-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2014. 377 с.
29. Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. 798 с.
30. Документы внешней политики СССР. Т. 16. М., 1970. 920 с.
31. Документы внешней политики СССР. Т. 17. М., 1971. 880 с.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 39.
33. Молодяков В.Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения. Ежегодник. Япония. 2009. С. 294 -310.
34. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917—1941 гг. / Отв. ред. Г. Адиебеков, Х. Вада. М., 2001. 808 с.

THE FACTOR OF THE STATE OF MANCHOU-GO IN SOVIET-JAPANESE RELATIONS IN 1931-1935

Gerasimov D.I.

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

The article examines the problem of creating a puppet state of Manchukuo, analyzes the influence of the Manchukuo factor on the development of Soviet-Japanese diplomatic relations, and also reveals the impact on the foreign policy of the USSR in the Far East region in 1931-1935 a knot of contradictions that arose as a result of Japanese intervention in Manchuria.

The author points out that Japan since the beginning of the 1920s. hatched plans for an invasion of China when it began to gradually gain a foothold economically and politically in Northeast China, thereby creating a springboard for a further invasion of Manchuria (September 1931). The favorable strategic position of Manchuria was of great geopolitical importance for both the USSR and Japan. In addition, Manchuria had a huge resource base. It was here that the interests of the USSR and Japan clashed. China, engulfed in internal political struggle and extremely weakened, served as a place for resolving Soviet-Japanese contradictions. As a result, in 1932, with the active assistance of the Japanese government, the puppet state of Manchukuo was created, which was supposed to not only serve as a military-strategic springboard for moving deep into China, but also become a starting point for preparing an invasion of the territory of the USSR. Thus, Japan sought to strengthen its political and

strategic importance in the Far East region: by creating a new player in the international arena – the puppet state of Manchukuo – Japan was able to gain a foothold in Manchuria and continue to develop military expansion in the Far East.

The author emphasizes that a huge strategic role in the relations between the states of the Far East region was played by the sphere of activity related to the supply, supply, control and organization of the transportation of various cargoes (military equipment, food, etc.) and human reserves. In this sense, the Chinese Eastern Railway (CER), which recently also ran through the territory of Manchukuo, largely determined the political relations between the USSR and Japan. Therefore, the USSR had to take quick and decisive steps in order to strengthen its own state security.

KEYWORDS

Manchukuo, Karakhan, Hirota, Manchuria, Soviet-Japanese relations, non-aggression pact, Troyanovsky, CER.